

I

Как всегда в дни корриды, Хуан Гальярдо позавтракал рано. Единственным его блюдом был кусок жареного мяса. К вину он не прикоснулся: бутылка стояла перед ним нетронутая. В такой день необходимо сохранять ясную голову. Он выпил две чашки крепкого черного кофе, закурил толстую сигару, оперся локтями на стол и, опустив подбородок на руки, со скучающим видом стал разглядывать посетителей, постепенно заполнявших ресторанный зал.

Вот уже несколько лет, с тех самых пор, как он убил первого быка на арене мадридского цирка, Хуан Гальярдо останавливался в этом отеле на улице Алькала. Хозяева относились к нему как к члену семьи, а лакеи, швейцары, повара и старые горничные обожали его, считая гордостью своего заведения. Здесь же, — весь обмотанный бинтами, задыхаясь в душной комнате, пропитанной запахом йодоформа и табачным дымом, — провел он долгие дни после того, как бык поднял его на рога. Впрочем, дурные воспоминания не угнетали матадора¹. Живя под постоянной угрозой опасности, он был суеверен, как всякий южанин, и считал, что этот отель приносит удачу, что здесь ничего дурного с ним произойти не может. Случайности ремесла — прореха на одежде или на собственной коже — это еще куда ни

¹ *Матадор* — главный участник пешей корриды, в конце представления он должен убить быка (здесь и далее примечания редактора).

шло; но никогда не упасть ему замертво, как падали его товарищи, воспоминание о которых омрачало лучшие часы его жизни.

В дни корриды Хуан любил оставаться после раннего завтрака в ресторане и наблюдать за непрерывно снующими вокруг посетителями. Приезжие — иностранцы или жители дальних провинций — равнодушно проходили мимо, даже не взглянув на него, но тут же с любопытством оборачивались, узнав от слуг, что этот щеголеватый молодой человек с гладко выбритым лицом и черными глазами — не кто иной, как Хуан Гальярдо, знаменитый матадор, которого все запросто называли Гальярдо. В атмосфере общего любопытства не так тягостно ожидать, пока настанет час выезда в цирк. Как медленно тянется время! Эти часы колебаний и неуверенности, когда из самых глубин души поднимаются смутные страхи, внушая матадору сомнение в своих силах, были самыми горькими часами в его работе. Выходить на улицу не хотелось — перед тяжелым боем надо чувствовать себя свежим и отдохнувшим. Поесть вволю он не смел — перед выходом на арену не следует перегружать желудок.

И Гальярдо, окруженный облаком душистого дыма, продолжал сидеть за столом, подперев руками подбородок, и время от времени не без кокетства поглядывал на дам, с интересом наблюдавших за знаменитым тореро¹.

Тщеславный кумир толпы угадывал в их взглядах восторг и поклонение. Дамы находили, что он элегантен и хорош собой. И, позабыв все тревоги, он, как всякий человек, привыкший красоваться перед публикой, невольно принимал изящные позы, стряхивая кончиком ногтя упавший на рукав сигарный пепел

¹ *Тореро* — то же, что и *торедор*; тореро называют всех непосредственных участников корриды, поэтому *матадора* можно назвать тореро.

или поправляя перстень шириной чуть не в сустав его пальца, украшенный огромным бриллиантом, переливавшимся всеми цветами радуги, словно в его ясной глубине пылал волшебный огонь.

Гальярдо самодовольно оглядел свой безукоризненный костюм, шляпу, лежавшую на соседнем стуле, тонкую золотую цепочку, протянувшуюся из одного кармашка жилета в другой, жемчужную булавку в галстучке, казалось смягчавшую молочным светом смуглый тон его лица, башмаки русской кожи и выглядывающие из-под узких панталон ажурные шелковые носки, похожие скорее на чулки кокотки.

Одуряющий запах тонких английских духов исходил от всей его одежды, от блестящих и волнистых черных волос, которые Гальярдо начесывал на виски, зная, что это нравится женщинам. Для тореро он был недурен. Право же, он может гордиться собой. Кто еще обладает таким достоинством, такой привлекательностью для женщин?..

Однако вскоре им снова овладела тревога, глаза его погасли, и, подперев голову руками, он принялся сосать свою сигару, неподвижно уставясь в облако табачного дыма. Он страстно мечтал о наступлении вечера, когда придет долгожданный час и он вернется из цирка, весь в поту, усталый, но счастливый сознанием побежденной опасности, с бешеным аппетитом, с безудержной жадной наслаждений, с уверенностью в нескольких днях спокойствия и отдыха. Если бог поможет ему и на этот раз, он жадно поест, как бывало во времена голодной юности, выпьет немного вина и разыщет ту певичку из мюзик-холла, с которой он встретился в прошлый приезд, но не смог закрепить знакомства: из-за этой бродячей жизни ни на что времени не хватает!

В ресторане появились восторженные поклонники — прежде чем отправиться по домам завтракать,

они хотели повидать матадора. Все это были старые любители, которым обязательно нужно было принадлежать к какой-нибудь партии и иметь своего кумира. Они избрали молодого Гальярдо «своим» матадором и теперь досаждали ему мудрыми советами, поминутно вспоминая о своем былом преклонении перед Лагартихо или Фраскуэло¹. С покровительственной фамильярностью они говорили матадору «ты», а он, отвечая им, почтительно прибавлял к каждому имени «дон», подчиняясь традиционному классовому неравенству, которое существует еще между тореро, вышедшим из низов общества, и его поклонниками. В их устах восторги и восхваления переплетались с отдаленными воспоминаниями, — пусть почувствует молодой матадор превосходство возраста и опыта! Они рассказывали о мадридском «старом цирке», на арене которого встречались только «настоящие» быки и тореро, а приближаясь к нынешним временам, с трепетным волнением вспоминали о «негре». Негром называли знаменитого Фраскуэло.

— Если бы ты только видел!.. Но в те времена ты и твои сверстники были еще сосунками, а то и вовсе не родились на свет.

Приходили и другие поклонники, в потрепанных костюмах, с истощенными лицами, репортеры мелких газет, известных только одним тореро, на которых они изливали свои хвалы или поношения. Все эти люди сомнительной профессии появлялись, едва слышав о приезде Гальярдо, и осаждали его своими восторгами и просьбами о билетах. Преклонение перед общим кумиром объединяло их с важными сеньорами — богатыми коммерсантами или крупными чиновниками, и те,

¹ *Лагартихо и Фраскуэло* — прозвища одних из самых известных матадоров своего времени Рафаэля Молины Санчеса (1841—1900) и Сальвадора Санчеса Поведано (1842—1898).

не смущаясь их нищенским видом, с жаром обсуждали вместе с ними все тонкости тавромахии¹.

При встрече с матадором каждый обнимал его или пожимал руку с неизменными восклицаниями и вопросами:

— Хуанильо... Как поживает Кармен?
— Хорошо, благодарю вас.
— А матушка? Сеньора Ангустиас?
— Прекрасно, благодарю вас. Она сейчас в Ринко-наде.

— А сестра, племянники?
— По-прежнему, благодарю вас.
— А этот урод, твой зять?
— Тоже хорошо. Такой же болтун, как всегда.
— Ну, а потомство? Нет надежды?
— Нет... Об этом не приходится и думать.

Гальярдо в знак отрицания энергично прикусил ноготь, а затем из вежливости обратился к гостю с теми же вопросами, хотя не знал о нем ничего, кроме его увлечения боем быков.

— А ваша семья как? Хорошо? Рад слышать. Присядьте, выпейте что-нибудь.

Он стал расспрашивать о быках, с которыми ему предстояло встретиться через несколько часов. Все друзья побывали уже в цирке и наблюдали за тем, как животных загоняли в стойла. Гальярдо с профессиональным любопытством выслушивал мнения, высказанные в Английском кафе, где обычно собирались любители.

Это была первая весенняя коррида, и поклонники Гальярдо возлагали на него большие надежды, вспоминая газетные отчеты о победах своего любимца на других аренах Испании. У этого тореро контрактов хоть

¹ *Тавромахия* — борьба тореро с быком, иногда под тавромахией подразумевается травля быка или бой между быками.

отбавляй. Начиная с пасхального боя быков в Севилье, которым обычно открывается сезон, Гальярдо переходит с одной арены на другую. А в августе и сентябре он совсем не знает отдыха — ночь проводит в поезде, а день на арене. Его импресарио в Севилье засыпан письмами и телеграммами и ломает голову, пытаясь примирить бесчисленные предложения с неумолимым календарем.

Прошлым вечером Гальярдо выступал в Съодад-Реале и, не успев сменить расшитый золотом костюм, сел в поезд, чтобы утром попасть в Мадрид. Ночь он провел почти без сна, примостившись в уголке вагона. Пассажиры потеснились: надо же дать отдохнуть человеку, которому завтра предстоит рисковать своей жизнью.

Поклонники восхищались выносливостью Гальярдо и неукротимой отвагой, с какой он бросался на быка, нанося смертельный удар.

— Поглядим, каков ты будешь сегодня вечером! — восклицали они с пылом фанатиков. — Любители много ждут от тебя. Ты снимешь не один бант... Не хуже, чем в Севилье.

Распрошавшись, поклонники разошлись по домам, чтобы успеть позавтракать и пораньше попасть на корриду. Гальярдо решил подняться к себе в комнату; нервное возбуждение не давало ему покоя. В это время в застекленную дверь ресторана, не обращая внимания на окрики слуг, прошел какой-то человек, таща за собой двух ребятишек. Увидев Гальярдо, он робко заулыбался и подтолкнул вперед малышей, которые, словно зачарованные, уставились на знаменитого тореро. Гальярдо узнал посетителя:

— Как поживаете, кум?

Последовали неизменные вопросы о здоровье семьи. Затем гость повернулся к сыновьям и торжественно произнес:

— Ну, вот вам и он. Житья не было от их распросов!.. Видите, совсем как на портретах.

И малыши с молитвенным восторгом воззрились на героя, которого до сих пор знали лишь по портретам, украшавшим их убогое жилище, — на сверхъестественное существо, поразившее их неискушенное детское воображение своим бесстрашием и богатством.

— Поцелуй крестному руку, Хуанильо.

Младший мальчик ткнулся в руку тореро розовой мордашкой, до блеска вымытой по случаю знаменательного визита. Гальярдо рассеянно погладил его по голове. Сколько этих крестников было у него по всей Испании! Поклонники постоянно упрашивали его крестить у них детей, свято веря, что это принесет им счастье. Частое появление матадора на крестинах — признак растущей славы. С этим крестником у него было связано воспоминание о трудных днях начала карьеры, и он испытывал благодарность к отцу малыша, поверившему в его звезду, когда все еще в ней сомневались.

— Как дела, кум? — спросил Гальярдо. — Не лучше?

Гость пожал плечами. Кое-как перебивается, работая маклером на рынке, на площади Себада; перебивается — и то ладно. Гальярдо проникся сочувствием к жалкому виду принарядившегося бедняка.

— Верно, хотите попасть на корриду, а, кум? Поднимитесь ко мне, Гарабато даст вам пропуск. Прощай, малыш!.. Вот... купите себе что-нибудь.

И пока крестник снова целовал матадору руку, он другой рукой сунул обоим ребятишкам по несколько дуру. Отец увел свое потомство, рассыпаясь в извинениях и благодарностях, из которых не очень ясно было, что больше вызывало его восторг — подарок детям или обещанный билет на корриду.

Гальярдо немного помедлил, чтобы снова не встретиться в своей комнате с восторженным почитателем

и его детьми. Он взглянул на часы. Час дня! Сколько еще ждать до корриды!..

Едва он вышел из ресторана и направился к лестнице, как из швейцарской выбежала какая-то закутанная в потрепанную шаль женщина и бросилась к нему, не обращая внимания на протестующие возгласы слуг.

— Хуанильо!.. Хуан!.. Не узнаешь? Да я же Караккола, сенья Долорес, мать бедняжки Лечугеро.

Гальярдо улыбнулся сморщенной темнлицей старушонке, смотревшей на него сверкающими, как угли, глазами — глазами болтливой и злой колдуньи. Заранее зная, к чему ведут все ее разговоры, он машинально потянулся рукой к карману.

— Беда, сынок! Все голод да нищета! Как узнала я, что ты приехал, сразу сказала себе: «Пойду-ка я к Хуанильо, не забыл же он мать своего бедного дружочка...» Но какой же ты красавчик! Женщины, поди, так и бегают за тобой... А у меня плохи дела, сынок. Рубашки — и той на теле нету. С утра только и пропустила, что глоточек касальи. Меня из милости держат в заведении Пепоны — мы с ней землячки. Очень приличное заведение: плата пять дуру. Покажись только там, тебя и не выпустят. Я причесываю девиц и прислуживаю господам... Ах! Был бы жив мой сынок! Помнишь Пепильо?.. Помнишь тот вечер, когда он помер?..

Гальярдо сунул дуру в ее иссохшую руку, порываясь бежать от старческой болтовни, в которой уже слышалось приближение слез. Проклятая ведьма! В день корриды напоминать ему о бедняге Лечугеро, товарище юности, который на его глазах умер почти мгновенно, сраженный ударом рога в самое сердце... Это было в Лебрихе, где оба они участвовали в бое молодых бычков. Принесет ему несчастье эта старуха!.. Он слегка оттолкнул ее, а она, с птичьей непоследовательностью перейдя от умиления к восторгу, принялась восхвалять

отважных ребят, славных тореро, которые похищают у публики деньги, а у женщин — сердца.

— Королевы Испании ты достоин, мой красавчик! Пусть сенья Кармен держит ухо востро. Того и гляди утащит тебя какая-нибудь бабенка. Дашь мне билетик на вечер, Хуанильо? Уж как хочется посмотреть тебя на арене!..

Отельная прислуга хохотала над восторженными воплями старухи, и суровый запрет, державший за входной дверью толпу зевак и попрошаек, привлеченных приездом тореро, был сломлен. В вестибюль, расталкивая слуг, потоком хлынули нищие, бродяги и продавцы газет.

Оборванцы с пачками газет под мышкой срывали с себя шапки, дружески приветствуя матадора:

— Гальярдо! Оле, Гальярдо! Да здравствуют храбрецы!

Самые бойкие хватали его за руку, сжимали и трясли ее изо всех сил, стремясь подольше протянуть общение с национальным героем, портреты которого были напечатаны во всех газетах. Желая приобщить к славе и товарищей, счастливыцы настойчиво их уговаривали:

— Пожми ему руку! Он не обижается! Он славный малый!..

В порыве восторга они готовы были броситься перед матадором на колени. Другие поклонники, небритые, в потрепанных, когда-то элегантных костюмах, топтались в рваных башмаках вокруг общего кумира и, снимая засаленные шляпы, обращались к нему шепотом, называя его дон Хуан, чтобы отличиться от этого восторженного, непочтительного сброда. Жалуясь на нищету, они выпрашивали у матадора подачку, а более смелые, выдавая себя за любителей, просили у него билетик на корриду с намерением тут же продать его.

Гальярдо со смехом отбивался от навалившейся на него лавины — прислуга не решалась освободить его, испытывая невольное почтение к такой популярности. Он опустошил все карманы, раздавая и разбрасывая наудачу серебряные монеты.

— Все. Уголь кончился! Выпустите меня, ребята!

Притворяясь рассерженным, хотя в действительности преклонение только льстило ему, он одним движением сильных плеч расчистил себе путь и спасся бегством, перескакивая через ступени лестницы с ловкостью подлинного тореро. Слуги, освобождаясь от сковывавшей их почтительности, вытолкали толпу на улицу.

Гальярдо прошел мимо помещения, которое занимал Гарабато, и заглянул в приоткрытую дверь. Слуга рылся в сундуках и чемоданах, выбирая костюм к предстоящей корриде.

Войдя в свою комнату, Гальярдо сразу почувствовал, как улетучивается радостное возбуждение, вызванное в нем нашествием поклонников. Наступал самый мучительный момент: томительная неуверенность последних часов перед выходом на арену. Миурские быки и мадридская публика!.. Непосредственная опасность всегда опьяняла Гальярдо, еще усиливая его отвагу; но теперь, когда он был один, опасность угнетала его как нечто сверхъестественное, пугающее своей неизвестностью.

Он почувствовал себя обессиленным, словно на него внезапно обрушилась вся усталость прошлой бессонной ночи. Ему захотелось броситься на одну из кроватей, стоявших в глубине комнаты, но тут же тревога перед тем таинственным и неведомым, что ожидало его через несколько часов, разогнала набежавший сон.

Он беспокойно прошелся по комнате и закурил новую сигару от только что брошенного окурка.

Как-то пройдет для него этот сезон в Мадриде? Что будут говорить его враги? Как покажут себя его соперники?.. Он убил немало миурских быков: в конце концов, это такие же быки, как все остальные, но почти все его товарищи, павшие на арене, были жертвами быков этой породы. Проклятые миурцы! Недаром и он и другие матадоры требовали на тысячу песет больше, когда предстояла схватка с миурскими быками.

Гальярдо продолжал в нервном возбуждении бродить по комнате. Бросив бессмысленный взгляд на привычные предметы своего обихода, он остановился и упал в кресло, охваченный внезапной слабостью. Потом снова взглянул на часы. Еще не было двух. Как медленно тянется время!

Хоть бы скорее наступил нас одевания и выезда в цирк! Только это может успокоить взбудораженные нервы. Множество людей, шум, любопытство толпы, желание показаться перед восхищенной публикой спокойным и веселым, а главное, приближение опасности, реальной, ощутимой опасности, — все это мгновенно вытеснит тягостную тревогу, возникающую в одиночестве, когда матадор, не находя поддержки во внешнем возбуждении, испытывает нечто похожее на страх.

Стремясь рассеяться, Гальярдо пошарил во внутреннем кармане сюртука и вместе с бумажником вытащил надушенный конвертик. Стоя у окна, он при неясном свете, проникающем с внутреннего двора, рассматривал адрес на конверте, врученном ему по приезде в отель, и восхищался изысканной красотой тонкого, изящного почерка.

Он вынул из конверта записку и с наслаждением вдохнул невыразимо нежный аромат. О, эти знатные особы, изъездившие весь свет... Их неподражаемое превосходство проявляется во всем, даже в мелочах!..